Значение формирования символа в развитии эго

Кляйн М.

Доводы, приведенные в этой статье, основаны на допущении, что существует ранняя стадия психического развития, на которой садизм активизируется во всех возможных источниках либидного удовольствия (1). Согласно моему опыту, садизм достигает своей высшей точки на этой стадии; он запускается орально-садистическим желанием поглотить материнскую грудь (или саму мать) и проходит вместе с наступлением ранней анальной стадии. На протяжении того периода, о котором я говорю, главной целью субъекта является овладение содержимым материнского тела и разрушение матери с помощью любого оружия, которое может предоставить садизм. В то же время эта стадия создает предпосылки для эдипова конфликта. В данный период начинает осуществляться влияние генитальных тенденций: оно еще неявное, поскольку главенствуют прегенитальные импульсы. Все мои доводы основаны на том, что эдипов конфликт начинается в период господства садизма.

Ребенок ожидает найти внутри матери: а) отцовский пенис, б) экскременты и в) детей, и все это он приравнивает к съедобным вещам. Согласно самым ранним фантазиям (или "сексуальным теориям") ребенка о родительском коитусе, отцовский пенис (или все тело отца) во время акта остается внутри матери. Таким образом, объектом садистических атак ребенка становятся как отец, так и мать, и в своей фантазии он кусает, рвет, режет или крошит их на куски. Атаки порождают тревогу, что он будет наказан объединившимися родителями; эта тревога, вследствие орально-садистической интроекции объектов, также интернализуется, и тем самым уже направлена на раннее Супер-эго. Я пришла к заключению, что эти тревожные ситуации ранних фаз психического развития являются самыми глубинными и непреодолимыми. Согласно моему опыту, к оральному и мышечному садизму очень скоро присоединяется уретральный и анальный садизм, и он играет значительную роль в фантазийных атаках на материнское тело. В фантазии экскременты превращаются в опасное средство борьбы: мочеиспускание воспринимается как разрезание, закалывание, сжигание, потопление, а фекальные массы приравниваются к оружию и снарядам. На более поздней стадии описанной мной фазы эти жестокие способы нападения уступают место атакам тайным, осуществляемым с помощью самых утонченных способов, на которые только способен садизм, и экскременты приравниваются к ядовитым веществам.

Избыток садизма порождает тревогу и запускает в действие самые ранние защиты Эго. Фрейд (в работе "Задержки, симптомы, тревоги") пишет: "Вполне возможно, что еще до четкого разделения на Эго и на Ид и до образования Супер-эго психический аппарат использует различные способы защит из тех, которые он будет использовать по достижении

этих стадии организации".

Согласно тому, что я обнаружила в анализе, самая ранняя защита образуемая Эго, связана с двумя источниками опасности: собственным садизмом субъекта и с атакуемым объектом. Эта защита, в соответствии со степенью садизма, характеризуется жестокостью и существенно отличается от более позднего механизма вытеснения. Что касается собственного садизма субъекта, то здесь защита подразумевает изгнание, тогда как относительно объекта под защитой понимается разрушение. Садизм становится источником опасности, потому что делает возможным высвобождение тревоги, а также потому, что оружие, используемое для разрушения объекта, направлено, согласно ощущениям субъекта, также и против него самого. Объект нападения становится источником опасности потому, что субъект боится подобного же - ответного - нападения от него. Т.о., совершенно неразвитое Эго стоит перед задачей, которая на этой стадии запредельна: задачей справиться с жесточайшей тревогой.

Ференци считает, что идентификация - предтеча символизма - возникает из попытки ребенка заново открывать свои собственные органы и их функционирование в каждом новом объекте. С точки зрения Джонса, принцип удовольствия дает возможность приравнивать друг к другу совершенно различные вещи по принципу схожести удовольствия или интереса. Несколько лет назад я написала статью, основывающуюся на этих положениях, где пришла к выводу, что символизм - основа всей сублимации и любого таланта, поскольку вещи, действия и интересы становятся предметом либидных фантазий именно за счет символическою приравнивания.

Могу добавить к сказанному ("Early Analysis", 1923). что бок о бок с либидным интересом существует тревога, возникающая на той стадии, которую я описала, и эта тревога приводит в действие механизм идентификации. Поскольку ребенок желает разрушить органы (пенис, вагину, груди), которые символизируют объекты, он испытывает перед ними страх. Эта тревога вынуждает его приравнивать органы, о которых идет речь, к другим вещам; из-за этого приравнивания они также, в свою очередь, становятся объектами тревоги, и он, таким образом, вынужден постоянно делать новые приравнивания, которые образуют основу его интереса к новым объектам и основу символизма.

Таким образом, символизм становится не только основой всех фантазий и сублимации, но, более того, основой отношения субъекта к внешнему миру и к реальности в целом. Я обратила внимание, что объектом садизма в его высшей точке и объектом стремления к познанию, которое возникает одновременно садизмом, является материнское тело со всем его фантазийным содержанием. Садистические фантазии, направленные на то, что внутри ее тела, составляют первое и основное отношение к внешнему миру и к реальности. От того, насколько успешно пройдет субъект эту фазу, будет зависеть степень последующего овладения внешним миром в соответствии с реальностью. Мы, кроме того, видим, что самая ранняя реальность ребенка полностью фантастична; он окружен объектами тревоги, и по этой причине экскременты, органы,

объекты, одушевленные и неодушевленные вещи для начала приравниваются друг к другу. По мере развития Эго из этой нереальной реальности постепенно создается истинное отношение к реальности. Таким образом, развитие Эго и отношение к реальности зависят от того, насколько способно Эго в очень ранний период переносить давление самых первых тревожных ситуаций. И, как обычно, речь идет об определенном оптимальном балансе рассматриваемых факторов. Достаточное количество тревоги является необходимым исходным моментом для формирования символа и появления разнообразных фантазий; адекватная способность Эго переносить тревогу существенно значима для успешной работы с тревогой, для благоприятного завершения этой начальной стадии и для успешного развития Эго.

Я пришла к этим выводам из своего аналитического опыта в целом. и они поразительным образом были подтверждены случаем, где имела место необычная задержка развития Эго. Я расскажу о нем подробнее.

Речь идет о четырехлетнем мальчике, уровень развития которого, судя по чрезвычайной скудости словарного запаса и интеллектуальных достижений, соответствовал уровню 15-18 месячного ребенка. Адаптация к реальности и эмоциональные отношения с окружением почти полностью отсутствовали. Этот мальчик, Дик, был безразличен к присутствию или отсутствию матери или няни. С самого начала жизни он лишь изредка проявлял тревогу, да и то в патологически слабой степени. За исключением одного специфического интереса, к которому я еще вернусь, у него почти не было интересов, он не играл и не имел контактов с окружением. В основном он просто издавал бессмысленные звуки, то и дело что-то выкрикивая. Когда он говорил, он обычно неверно использовал свой небогатый словарный запас. Но он не только не был способен умственно развиваться - у него не было к этому желания. Более того, мать Дика временами чувствовала в нем сильное негативное отношение, выражавшееся в том, что мальчик делал прямо противоположное тому, что от него ждали. Например, если ей удавалось добиться, чтобы он сказал вслед за ней несколько слов, он часто полностью перевирал их, хотя в другое время мог произнести их правильно. И еще: иногда он повторял слова верно, но повторял их непрерывно, как заведенный, до тех пор, пока всем вокруг не становилось от этого худо. Оба эти типа поведения отличаются от поведения невротичного ребенка. Когда невротичный ребенок выражает свой протест в форме неповиновения или проявляет послушание (даже если это сопровождается чрезмерной тревогой), он делает это с определенным пониманием и как-то соотносит с вещью или человеком, имеющими к этому отношение. Но противостояние Дика, как и его послушание, были лишены и эмоций, и понимания. К тому же, когда ему приходилось поранить себя, он проявлял явную нечувствительность к боли и не испытывал желания, столь свойственного детям, чтобы его приласкали и утешили. Он был, к тому же, чрезвычайно неуклюж физически. Он не мог держать нож или ножницы, хотя, следует отметить, с ложкой, которой он ел, мог справляться вполне нормально.

Его поведение во время первого визита ко мне было совершенно

противоположно тому, что мы наблюдаем у детей-невротиков. Он отпустил няню без каких-либо эмоций и с полным безразличием последовал за мной. Там он стал бесцельно бегать туда-сюда и несколько раз обежал вокруг меня, будто я была частью мебели, но не проявил ни малейшего интереса ни к одному из предметов. Его движения во время бега выглядели нескоординированными. Выражение лица и глаз неподвижно, отстранение и лишено интереса. Сравните еще раз с поведением детей с тяжелым неврозом. Я имею в виду детей, у которых во время визита не было приступа тревоги. В свой первый визит ко мне они зажаты, стыдливо уходят в угол или сидят неподвижно перед маленьким столиком с игрушками, или возьмут со стола то одно, то другое, с тем, чтобы снова положить на место, не играя. Во всех этих способах поведения несомненна сильная скрытая тревога. Угол или стол являются убежищем от меня. Но в поведении Дика не было ни смысла, ни цели, и оно не связывалось с какой-либо эмоцией или с тревогой.

Сейчас я опишу его предысторию. Период, когда он был сосунком, был исключительно неблагоприятным и беспокойным, поскольку в течение нескольких недель мать безуспешно пыталась кормить его, и он едва не умер от голода. Тогда прибегли к искусственному вскармливанию. Наконец, когда ему было семь недель, нашли кормилицу, но кормление грудью уже не пошло впрок. Он страдал расстройством пищеварения, выпадением прямой кишки, а позднее - геморроем. Возможно, на его развитие повлияло то, что, несмотря на всяческий уход, ему не было отпущено настоящей любви, при этом отношение матери к нему с самого начала было сверхтревожным. Более того, поскольку ни отец, ни няня не проявляли к нему особой привязанности, Дик вырос в окружении недостаточной любви. Когда ему исполнилось два года, ему нашли новую няню, умелую и любящую; к тому же, вскоре после этого он достаточно долгое время был со своей бабушкой, которая очень любила его. Влияние этих перемен было заметно в его развитии. Он начал ходить почти вовремя, но приучить его регулировать экскреторные функции было трудно. Под влиянием новой няни он с большой готовностью начал усваивать навыки опрятности, и к трем годам полностью овладел ими, проявляя в отношении этого даже определенное рвение и понятливость. На четвертом году жизни он еще в одном отношении обнаружил восприимчивость к порицанию. Няня застала его за мастурбированием и сказала, что это неприлично, и он не должен так делать. Этот запрет явно нашел в нем понимание и вызвал чувство вины. Более того, на четвертом году Дик предпринял еще большую попытку к адаптации, но главным образом это относилось к внешним вещам, и особенно к механическому заучиванию ряда новых слов. С самых ранних дней проблема кормления была патологически сложна. Когда у Дика была кормилица, он не проявлял ни малейшего желания сосать, и это стойко сохранялось. Потом он не пил из бутылочки. Когда пришло время переходить на более твердую пищу, он отказывался кусать ее и абсолютно отвергал все, отличающееся по консистенции от каши, и даже к ней его надо было принуждать. Еще одним положительным результатом влияния новой няни было то, что Дик стал есть с большей охотой, но тем не менее основные трудности

сохранялись.² Несмотря на то, что добрая няня внесла какие-то изменения в его развитие, основные дефекты оставались нетронутыми. С ней, как и со всеми другими, Дика не удалось установить эмоциональный контакт. Таким образом, ни ее, ни бабушкина нежность не способствовали тому, чтобы привести в действие отсутствующие объектные отношения.

Из анализа Дика я поняла, что причиной необычного торможения развития было неудачное прохождение тех первых стадий, о которых я говорила в начале статьи. У Дика была полная и, по-видимому, конституциональная неспособность Эго переносить тревогу. Гениталии начали играть роль очень рано; это вызвало преждевременную и чрезмерную идентификацию с объектом нападения и способствовало появлению столь же преждевременной защиты от садизма. Эго перестало развивать фантазийную жизнь и устанавливать отношения с реальностью. Едва начавшись, процесс формирования символа у этого ребенка застопорился. Ранние попытки оставили след на одном интересе, который, будучи изолированным и оторванным от реальности, не мог сформировать основу для дальнейших сублимаций. Ребенок был равнодушен к большинству предметов и игрушек вокруг него и даже не понимал их назначения. Но его интересовали поезда и станции, а также дверные ручки, двери и то, как они открываются и закрываются.

Интерес к этим вещам и действиям имел общий источник: он был связан с проникновением пениса в материнское тело. Двери и замки символизировали вход и выход из ее тела, тогда как дверные ручки символизировали отцовский и его собственный пенис. Таким образом, страх перед тем, что будет с ним сделано (в частности, отцовским пенисом) после того, как он проникнет в материнское тело, остановил формирование символа. Более того, его защиты от собственных деструктивных импульсов оказались основным препятствием в его развитии. Он был абсолютно неспособен к какому-нибудь агрессивному действию, и на эту неспособность указывал его отказ кусать пищу. В четыре года он не мог держать ножницы, ножи и был чрезвычайно неуклюж в движениях. Защита от садистических импульсов, направленных на материнское тело и его содержимое, - импульсов, связанных с фантазиями о коитусе, - привела к прекращению фантазий и к остановке в формировании символа. Дальнейшее развитие Дика потерпело крах, потому что он не мог впустить в фантазию садистическое отношение к материнскому телу.

Необычная трудность, которую мне пришлось преодолевать в анализе, заключалась не в нарушении речевой способности. В игровой технике, которая занимается символическими репрезентациями ребенка и дает доступ к его тревоге и чувству вины, мы в основном можем обходиться без вербальных ассоциаций. К тому же, эта техника не ограничивается лишь анализом игры ребенка. Наш материал может быть извлечен (как в случаях с задержкой игры у детей) из символики его обычного поведения.³ Но у Дика символизм не развился. Отчасти это было связано с отсутствием какого-либо эмоционального отношения к окружающим

предметам: он проявлял к ним почти полное равнодушие. У него практически не было особых отношений с отдельными объектами, что обычно встречается даже у детей с выраженными задержками. Поскольку в его психике отсутствовало эмоциональное или символическое отношение к ним, то все его случайные действия с объектами не были окрашены фантазией, и потому их нельзя рассматривать как символические репрезентации. Отсутствие у него интереса к окружению и трудности в установлении контакта с его психикой являлись исключительно результатом отсутствия символического отношения к вещам. Поэтому анализ должен был начаться с этого, основного препятствия в установлении с ним контакта.

Во время своего первого визита, как я уже отметила. Дик не проявил никаких эмоций, когда няня передала его мне. Когда я показала ему приготовленные игрушки, он не выразил ни малейшего интереса к ним. Я взяла большой поезд и поставила его с поездом поменьше и назвала их: "Поезд-папа" и "Поезд-Дик". Тогда он взял поезд, который я назвала "Дик", покотил его к окну и сказал: "Станция". Я объяснила: "Станция - это мама. Дик идет в маму". Он оставил поезд, побежал в закуток между внутренней и внешней дверью в комнату и закрылся там, сказав: "темно", но тотчас выбежал оттуда. Он проделал это несколько раз. Я объяснила ему: "Внутри мамы темно". Затем он снова взял поезд, но вскоре снова побежал в дверной закуток. Когда я говорила, что он идет внутрь темной мамы, он дважды повторил в вопросительной форме: "Няня?" Я сказала: "Няня скоро придет", и он повторил это, правильно произнося слова и удерживая их в памяти. В свой следующий приход он вел себя подобным же образом. Но в этот раз он выбежал из комнаты в темную прихожую. Он поставил там поезд "Дик" и настоял на том, чтобы поезд оставался там. Он несколько раз повторил: "Няня придет?". В третий аналитический час он вел себя так же, но помимо того, что бегал в прихожую и в дверной закуток, убежал также за комод. Там его охватила тревога, и он впервые позвал меня к себе. Его неоднократные вопросы о няне свидетельствовали о его понятливости, а по прошествии часа он встретил ее с необычным для него удовольствием. Мы видим, что одновременно с появлением тревоги появилось ощущение зависимости, сначала от меня, а затем от няни, и одновременно он начал проявлять интерес к успокаивающим словам "Няня скоро придет" и, вопреки своему обычному поведению, повторял и запоминал их. Во время третьего часа он также впервые с интересом посмотрел на игрушки, и в этом интересе была очевидна агрессивная тенденция. Он показал на маленькую тележку с углем и сказал: "Резать". Я дала ему ножницы, и он попытался выцарапать маленькие черные деревянные кусочки, изображающие уголь, но не смог удержать ножницы. Повинуясь его взгляду, я вырезала деревянные кусочки из тележки, и он унес поврежденную тележку вместе с ее содержимым в комод и сказал: "Ушла". Я сказала, что это означает, что Дик вырезал фекалии из своей мамы. Тогда он снова убежал в закуток и поскреб ногтями по двери, показывая тем самым что идентифицирует это пространство между дверью с тележкой, а оба эти объекта - с материнским телом, на которое он нападает. Он тут же выбежал из-за дверей, нашел шкаф и залез в него.

В начале следующего аналитического часа он заплакал, когда ушла няня, и это было необычно для него. Но скоро он успокоился. На сей раз он избегал дверного пространства, шкафа и угла, но сосредоточился на игрушках, рассматривая их с явным зарождающимся интересом. Занимаясь этим, он натолкнулся на тележку, поврежденную в прошлый раз, и на ее содержимое. Он быстро отодвинул тележку вместе с ее содержимым и закрыл ее другими игрушками. После того как я объяснила, что поврежденная тележка представляла его маму, он достал ее и поставил между дверьми. По ходу анализа стало понятно, что, убирая тележку из комнаты, он указывал на изгнание как поврежденного объекта, так и своего садизма (или использованных им средств), который таким способом проецировался на внешний мир. Дик обнаружил также, что тазик для умывания символизируется у него с материнским телом и чрезвычайно боялся замочиться водой. Он с тревогой вытирал воду со своих и моих рук, которые он тоже погрузил в воду, и проявил такую же тревогу, когда помочился. Моча и кал представлялись ему опасными веществами, способными причинить вред.⁴

Стало ясно, что в фантазии Дика кал, моча и пенис означали объекты, с помощью которых он нападает на материнское тело, и которые поэтому воспринимались как источник вреда для него самого. Эти фантазии способствовали появлению страха перед содержимым материнского тела, и особенно перед отцовским пенисом, находящимся, согласно его фантазии, в материнском чреве. Нам удалось увидеть этот фантазийный пенис и нарастающую агрессию против него во многих проявлениях: особенно примечательным было желание съесть и разрушить его. Например, однажды Дик поднес ко рту маленького игрушечного мужчину, заскрежетал зубами и сказал: "Ме папа", что означало "Ем папу". Затем он попросил попить воды. Интроекция отцовского пениса ассоциировалась со страхом и перед ним самим, как перед примитивным, наносящим вред, Супер-эго, и перед наказанием от матери, которую он таким образом обокрал, т.е. со страхом перед внешними и интроецированными объектами. И здесь на первый план выступает уже упомянутый мной факт, ставший определяющим в развитии мальчика, а именно, что у Дика преждевременно активизировалась генитальная фаза. Это было видно по тому, что репрезентации, о которых шла речь, сопровождались не только тревогой, но и раскаянием, сожалением и чувством, что он должен возместить ущерб. Так, он неоднократно укладывал маленького игрушечного мужчину мне на колени или в руку, складывал все обратно в ящик и т.д. То, что в нем рано начали действовать силы, возникающие на генитальном уровне, стало результатом преждевременного развития Эго, но дальнейшее развитие Эго было только заторможено этим. Эта ранняя идентификация с объектом все еще не может встроиться в отношения с реальностью. Например, однажды, когда Дик увидел у меня на коленях карандашные очистки, он сказал: "Бедная миссис Клейн". А в следующий раз при подобных же, обстоятельствах он заметил: "Бедные шторы". Наряду с неспособностью переносить тревогу эта преждевременная эмпатия явилась решающим фактором для

отвержения всех деструктивных импульсов. Дик исключил себя из реальности и остановил фантазийную жизнь, спасаясь в убежище фантазий о темном, пустом материнском теле. Ему удалось, тем самым, увести свое внимание и от различных объектов внешнего мира, репрезентировавших содержимое материнского тела, отцовского пениса, фекалий, детей. Следовало также избавиться от собственного пениса, как органа садизма, и от собственных выделений (или отрицать их), поскольку они были опасными и агрессивными.

В анализе Дика мне удалось получить доступ к его бессознательному путем установления контакта с зачатками фантазийной жизни и формирования символа, которые он проявлял. В результате уменьшилась латентная тревога, и поэтому определенное количество тревоги смогло проявиться открыто. Но это означало, что переработка этой тревоги началась с установления символического отношения к вещам и объектам; одновременно с этим были приведены в действие его эпистемофилические и агрессивные импульсы. Каждое достижение сопровождалось высвобождением новой порции тревоги и вело к тому, что он в какой-то мере отворачивался от вещей, с которыми уже установил эмоциональное отношение и которые потому стали объектами тревоги. Отворачиваясь от этих объектов, он поворачивался к новым, и его агрессивные и эпистемофилические импульсы, в свою очередь, направлялись на эти новые эмоциональные отношения. Так, например, Дик некоторое время совершенно избегал шкафа, зато тщательно исследовал тазик для умывания и электрический радиатор, вновь проявляя деструктивные импульсы к этим объектам. Затем он переводил интерес с них на новые вещи или вновь возвращался к тем, с которыми уже был знаком и от которых отказался. Он снова занялся шкафом, но в этот раз интерес к нему сопровождался большей активностью и любопытством и более сильными тенденциями к разного рода агрессии. Он бил шкаф ложкой, царапал и кромсал ножом и обрызгивал его водой. Он оживленно исследовал дверные петли и то, как открывается и закрывается дверца, изучал замок и т.д..., забирался внутрь и спрашивал название различных частей. По мере развития его интересов расширялся его словарный запас, поскольку теперь его интересовали не только вещи, но и их названия. Слова, которые раньше слышал, но оставлял без внимания, теперь он запоминал и правильно употреблял.

Параллельно с этим развитием интересов и все более сильным трансфером ко мне появились до того отсутствующие объектные отношения. В течение этих месяцев его отношения с матерью и няней стали эмоциональными и нормальными. В настоящее время он хочет, чтобы они были рядом, хочет, чтобы они обращали на него внимание и расстраивается, когда они уходят. Отношения с отцом также обнаруживают растущие признаки нормального эдипова комплекса, что говорит о все более устойчивых объектных отношениях в целом. Желание развиваться интеллектуально, ранее отсутствующее, сейчас очень велико. Дик старается, чтобы его поняли, используя свой бедный еще, но увеличивающийся словарный запас, который он прилежно пополняет. Кроме того, многое указывает на то, что он начинает

устанавливать отношения с реальностью.

Пока прошло шесть месяцев анализа, и начавшееся развитие, которое идет во всех основных направлениях, свидетельствует о благоприятном прогнозе. Оказались решаемыми некоторые из специфических проблем, возникших в его случае. С помощью лишь нескольких слов удалось вступить с ним в контакт, удалось активизировать тревогу в ребенке, у которого полностью отсутствовали интересы и аффекты, а в дальнейшем оказалось возможным постепенно регулировать высвобождающуюся тревогу и справляться с ней. Я бы хотела подчеркнуть, что в случае с Диком я модифицировала свою обычную технику. Вообще я не интерпретирую материал, пока он так или иначе не проявит себя. Однако, в данном случае, где способность к репрезентации почти полностью отсутствовала, я сочла необходимым делать интерпретации, исходя из своих общих знаний, поскольку репрезентации в поведении Дика были весьма неопределенны. Открывая тем самым доступ к его бессознательному, я смогла активизировать тревогу и другие аффекты. Тогда репрезентации стали полнее, и вскоре я обрела более прочную основу для анализа и смогла постепенно перейти к технике, которую я обычно использую при анализе маленьких детей.

Я уже описала, как мне удалось вызвать манифестную тревогу путем уменьшения ее в латентном состоянии. Когда она проявилась, я смогла разрядить часть ее с помощью интерпретаций. Кроме того, стало возможным справляться с ней более продуктивным способом, а именно - распределять ее на новые вещи и интересы; в этом случае тревога снижалась настолько, что была переносима для Эго. Сможет ли Эго, используя подобный способ регуляции небольших порций тревоги, переносить и перерабатывать нормальное количество тревоги, может показать лишь дальнейший курс лечения. Таким образом, в случае Дика вопрос заключается в изменении, посредством анализа, главного фактора его развития.

Единственное, что можно было сделать при анализе этого ребенка, который не мог вразумительно выразить себя и Эго которого не было доступно влиянию, - попытаться получить доступ к его бессознательному и, уменьшая бессознательные препятствия, открыть путь для развития Эго. Конечно, в случае Дика, как и в любом другом, доступ к бессознательному должен осуществляться через Эго. Результаты подтвердили, что даже столь неразвитое Эго способно установить связь с бессознательным. С теоретической точки зрения, полагаю, важно отметить, что даже в подобном крайнем случае ущербного развития Эго оказалось возможным развить и Эго, и либидо только с помощью анализа бессознательных конфликтов, не применяя в отношении Эго никаких воспитательных мер. Кажется очевидным, что если даже недоразвитое Эго ребенка, у которого совсем не было отношений с реальностью, может выдержать высвобождение вытесненного, и при этом Ид не захлестнет его, то не следует опасаться, что Эго невротичного ребенка (т.е. в случаях гораздо менее экстремальных) будет уничтожено Ид. Стоит отметить также, что если прежде оказываемое на Дика педагогическое влияние оставалось

неэффективным, теперь, благодаря анализу, Это Дика развивается, и он все больше доступен этому влиянию, которое может идти в ногу с инстинктивными импульсами, мобилизованными анализом, и справляться с ними.

Остается вопрос диагноза Дика. Доктор Форсит диагностировал этот случай как деменцию прекокс и рекомендовал попробовать анализ. Его диагноз, казалось бы, подтверждается тем фактом, что клиническая картина во многих важных моментах соответствует клинической картине развернутой деменции прекокс у взрослых. Напомню еще раз, что случай характеризовался почти полным отсутствием аффекта и тревоги, выраженным уходом от реальности, недоступностью, отсутствием эмоционального раппорта, негативистским поведением, чередующимся с автоматическим повиновением, безразличием к боли, персеверацией - всеми симптомами, присущими деменции прекокс. Более того, данный диагноз подкрепляется и тем, что органическое заболевание полностью исключается: во-первых, потому, что оно не было выявлено при обследовании, проведенном Д-ром Форситом, а во-вторых, потому что случай оказался доступным психологическому лечению. Анализ показал мне, что психоневроз также следует исключить.

Против диагноза деменции прекокс говорит тот факт, что случай Дика по сути своей есть задержка развития, а не регресс. К тому же, деменция прекокс - исключительно редкое явление в раннем детстве, и большинство психиатров считает, что она вообще не встречается в этот период.

Исходя из этой точки зрения клинической психиатрии, я оставляю вопрос о диагнозе, но весь мой опыт анализа детей позволяет мне сделать некоторые замечания относительно общей природы психозов детства. Я убеждена, что шизофрения в детстве - явление более распространенное, нежели это принято считать. Перечислю некоторые из причин, по которым она обычно не распознается.

1. Родители, особенно из неимущих классов, в большинстве своем обращаются к психиатру лишь отчаявшись, т.е. когда они сами ничего не могут сделать с ребенком. Поэтому значительное число случаев не попадает в поле зрения врачей.
2. Что до пациентов, обратившихся к врачу, то зачастую невозможно выявить шизофрению при одном беглом осмотре. Поэтому так много случаев подобного рода классифицируется как "задержка развития", "умственная отсталость", "психопатическое состояние" и т.д.
3. Помимо всего, шизофрения у детей менее выражена и разрушительна, чем у взрослых. Характерные черты этого заболевания менее заметны в ребенке, потому что присущи, хотя и в меньшей степени, развитию здоровых детей. Такие, например, особенности, как явный отрыв от реальности, недостаток эмоционального раппорта, неспособность сосредоточиться на каком-либо деле, неразумное поведение и глупые разговоры не производят на нас впечатления чего-то необычного в ребенке, и мы не судим о них так, как судили бы, окажись они у взрослого. Чрезмерная подвижность и стереотипные движения

вполне обычны у детей и лишь степенью выраженности отличаются от гиперкинеза и стереотипии при шизофрении. Автоматическое повиновение должно быть слишком выраженным, чтобы родители рассматривали его не как "послушание", а как нечто другое.

Негативистское поведение обычно считается "непослушанием", а диссоциация вообще не поддается наблюдению у ребенка. То, что фобическая тревога детей часто содержит ипохондрические страхи и идеи преследования параноидного свойства⁵, есть факт, требующий очень пристального внимания, и зачастую обнаруживается лишь в процессе анализа.

4. Чаще, чем психозы, мы встречаем у детей психотические черты, которые в дальнейшем, при неблагоприятных условиях, ведут к болезни.

Таким образом, я полагаю, полностью сформированная шизофрения встречается гораздо чаще (не говоря уже о шизофренических чертах, наличие которых есть явление более обычное), чем это принято считать. Я пришла к заключению - которое полностью обосную в другом месте - что необходимо расширить понятие детской шизофрении в частности и детского психоза в целом, и думаю, что одной из первостепенных задач детского анализа является выявление и лечение психозов в детстве. Приобретаемые тем самым теоретические знания, несомненно, явятся ценным вкладом в понимание структуры психозов и помогут обеспечить более точную дифференциальную диагностику различных заболеваний.

Если расширить значение термина так, как я это предлагаю, будет, я думаю, оправдано классифицировать заболевание Дика как шизофрению. Действительно, она отличается от типичной шизофрении детства тем, что у него наблюдалась задержка развития, тогда как в большинстве подобных случаев имеет место регресс, наступающий после успешного достижения определенной стадии развития.⁶ Кроме того, сама тяжесть случая усиливает необычность клинической картины. У меня однако, есть причины считать, что он не единичен, поскольку недавно я познакомилась с двумя аналогичными случаями у детей примерно такого же возраста, как Дик. Можно, следовательно, предположить, что многие случаи подобного рода стали бы нам понятны, если бы мы на них более проницательным взглядом.

А сейчас я хочу суммировать свои теоретические выводы. Я пришла к ним не только благодаря случаю Дика, но также и другим, не столь выраженным случаям шизофрении у детей в возрасте от 5 до 13 лет, а также на основании всего моего аналитического опыта.

Ранние стадии эдипова конфликта находятся под властью садизма. Они имеют место во время той фазы развития, которую открывает оральный садизм (к нему присоединяется уретральный, мышечный и анальный садизм) и завершаются, когда власть анального садизма подходит к концу.

Лишь на более поздних стадиях эдипова конфликта появляется защита от либидных импульсов: на более ранних стадиях защита направлена против сопутствующих им деструктивных импульсов. Наиболее ранняя защита, создаваемая Эго, направлена против собственного садизма и

против атакуемого объекта; и то, и другое воспринимается как источник опасности. В отличие от вытеснения, эта защита отличается жестокостью. У мальчика эта мощная защита направлена против собственного пениса как исполнительного органа садизма и является одним из наиболее глубоких источников всех расстройств потенции.

Таковы мои гипотезы относительно нормального и невротического развития; давайте обратимся теперь к генезу психозов.

На первой ступени той фазы, когда садизм достигает своего пика нападения воспринимаются как насилие. Я пришла к убеждению, что эта ступень является точкой фиксации деменции прекокс. Вторая ступень этой фазы характеризуется представлением о том, что нападения совершаются в форме отравления; в это время преобладают уретральные и анально-садистические импульсы. Эта ступень, я полагаю, является точкой фиксации паранойи⁷. Могу напомнить утверждение Абрахама, что при паранойе либидо регрессирует к ранней анальной стадии. Мои выводы соответствуют гипотезе Фрейда, согласно которой точки фиксации деменции прекокс и паранойи надо искать на нарциссической стадии, и что деменция прекокс предшествует паранойе.

Чрезмерная и преждевременная защита от садизма задерживает установление отношений с реальностью и развитие фантазийной жизни. Дальнейшее садистическое присвоение и исследование материнского тела и внешнего мира (расширенного материнского тела) приходит к застою, и это является причиной полного (или почти полного) прекращения символического отношения к вещам и объектам, репрезентирующим содержимое материнского тела, следовательно - к окружению и реальности. Этот уход от символа становится причиной отсутствия эмоций и тревоги, что является одним из симптомов деменции прекокс. Поэтому регресс при данном заболевании доходит как раз до той ранней фазы развития, на которой садистическое присвоение и разрушение того, что внутри материнского тела (как это понимается субъектом в его фантазии) и установление отношений с реальностью были заблокированы или задержаны вследствие тревоги.